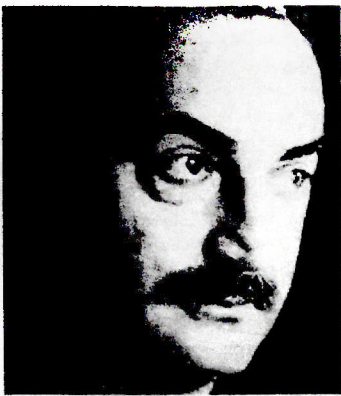

Наттиг РАСУЛЗАДЕ

Народный писатель

РАЗГОВОР С БОГОМ

Человек умирает, его кладут в ящик, хоронят, поминуют, забывают, а бывает, что и помнят недолго, а может, и долго... По-всякому бывает. Душа его отлетает, если только допустить, что она есть (а почему же нет? Что же тогда болит и скулит в груди при жизни?), душа, значит, отлетает, куда ей полагается, а там - Оп. За дверью без надписи, к которым мы привыкли в земной жизни. Душа открывает дверь, предварительно постучав, и оказывается перед Ним.

- Чего тебе?! - вопрошает Он, строго уставившись на вошедшую душу.

- Так... Как это - чего? Умер я, Господи. Преставился, так сказать. Земную жизнь, как сказал поэт, пройдя до середины...

- Ну и что? Ты очередь видел? Раз умер, так сразу - шашь ко мне? Стань в очередь, как все.

- Не могу я, Господи. Менталитет не позволяет. Мы такой народ: не переносим очередей, так и поровним без очереди пролезть.

- Менталитет, говоришь? Я тебе такой менталитет покажу, не обрадуйся! Ну-ка, кто там поближе к этому нахалу? Архангел, дай-ка ему хорошего пинка, чтобы он оказался в конце очереди.

- Не надо, Господи! Я же уже здесь, чего мочиться... Стал, как говорится, пред очей Твоих.

- М-м... Ладио, уговорил. Отвечай: что ты делал в одна тыща девятьсот девяносто восьмом году от рождества Христова, мая числа тринадцатого, между семнадцатью полн-полн и двенадцатью тридцатью часами?

- Откуда же я помню, Господи?! Издеваешься? Ну и вопросики у Тебя!

- Ясное дело, не помнишь. Помнил бы - отвечал за свои деяния и помыслы на земле. Говори прямо: не веруешь в меня, атеист чертов!

- Нет, что Ты, Господи, не атеист я! - Не смей меня называть на "ты", негодяй!

- А как же Тебя называть?

- А?.. Ну, да... Ладио... Значит, говоришь - не атеист?

- Нет, нет, что Ты?! Ни боже мой!.. Упаси Господь!

- М-м... На земле как жил? Подай мне книгу, архангел, погляжу... Хотя и без книги, по роже его видно... Блудил?

ИЗ ЦИКЛА "ХРЕН ЗНАЕТ ЧТО"

Хитрил? Лгал? Прелюбодействовал? Злато любил? Чревоугодничал? Скандалил? Лез на рожон? Тпете и суете мирской не противился? Семь раз не отмерял?.. Лез в бочку? Лез в бутылку? Отвечай!

- Так ведь... Всего понемногу... Всякое бывало... Но я же живой человек, Господи, то есть, был живой, пожить любил... ты же не отпавишь меня за это в ад, правда? Я вот давай-ка лучше расскажу Тебе, как все это началось...

- Что началось?

- Ну? как я умирать начал, с чего началось, что я попал к Тебе.

- Не надо. Ты что, забыл перед Кем стоишь? Все знаю...

- Знаю, что все знаешь. Но очень уж рассказать хочется. От первого лица, так сказать... Когда еще выпадет такая возможность пообщаться с самим Богом?

- Болтуш...

- Я, понимаешь, сценарии пишу, написал сценарий, отнес этим уродам, чиновникам, которые ни хрена не разбираются в сценариях... Так уж у нас повелось: каждый занимается тем, в чем не разбирается. Ну, слово за слово, врезал я этому чиновнику, чтобы в дальнейшем разбирался лучше. Когда он пришел в себя, со мной уже говорил следовательно. Мне не понравились его вопросы, я понял, что он хотел бы обогатиться за мой счет. Врезал я этому следовательно, когда он пришел в себя, я уже очутился в камере. А тут в камере человек тридцать гавриков, и как мне удалось выяснить, никто из них не читал ни Джойса, ни Кафку, ни Борхеса, злость взяла меня, век воли не видать, врезал я одному, чтобы остальные срочно занялись своим упущенным самообразованием. Когда я пришел в себя, я был уже в реанимационном отделении с обширным инфарктом... Хотели мне шунтирование сделать за десять тысяч, уже договаривались с родными, а я всех их палул и умер...

- Ну, все сказал? Ты думаешь, у меня столько времени, чтобы выслушивать от каждого болтуна о том, что я и без того знаю?

- Как же? Какие могут быть проблемы у Тебя со временем? Ты ведь царь времен.

- Не болтай лишнего... Итак: каешься в грехах?

- Как Ты сказал?

- Каешься, говорю, каешься, жалешь, что так непотребно прожил свою единственную и неповторимую жизнь, которую я сгоряча, по великой доброте своей подарил тебе?! Каешься и сожалеешь?! Ну, что молчишь, поганец? Долго мне ждать ответа?!

- Нет, Господи, не сожалю... Ты уж не обижайся... Ты, конечно, можешь отправить меня в ад, но между нами, мы-то с Тобой прекрасно знаем, что ад, что рай - один хрен, большой разницы нет, если подумать. Просто это зависит от того, как посмотреть, верно? От ракурса...

- Ох уж мне эти философы... А вот как начнут варить тебя в кипящей смоле, тогда узнаешь разницу. Я вижу, жизнь тебя ничему не научила...

- Не дави на меня, Господи. Неприлично Тебе, Всесильному. А жизнь... Тут оглянуться не успеешь - умирать пора... Разве так можно? Жалко Тебе что ли, подкинуть еще хотя бы сотенку...

- Я тебе так подкину - мало не покажется! Сколько ты молодец языком при жизни, так теперь и после смерти философствовать вздумал.

- Когда же еще философствовать?..

- Тоже верно... Что же мне с тобой делать? Кула тебя определить?

- Верни меня на землю, Господи! - вдруг горячо взмолилась душа, - И я уверю в силу Твою. Вон посмотри, в реанимации горбольницы врачи все еще что-то химичат с моим телом, олухи. Верни меня, удиви этих умников!

- Ишь, чего захотел! Вернуть его... М-м... Хитрец... А впрочем, пошел вон! Здесь нет тебе места, так же, как не было на земле...

ОПТИМИСТ

- Ты жизнью своей доволен?

- Жизнью доволен. Характером доволен.

- А какой у тебя характер?

- А характер такой, что все мне кажется, что я жизнью недоволен.

ДОСТОИНСТВО

Из моих знакомых писателей иные до такой степени, так невероятно переполнены чувством собственного достоинства, что ни на какие другие чувства в них не остается места.

Тем не менее они пишут...

СОБОЛЕЗНОВАНИЕ

Многие из моих знакомых писателей-аборигенов упылые и бледные, как застиранные рубашки, часто, встретив меня, горестно, непонимающе качают головами.

- Вай-вай, несчастливый ты, несчастливый, - говорят они, вздыхая, с плохо скрываемой, рвущейся на волю из груди радостью.

- Почему? - спрашиваю я.

- Как же - почему? Ты еще спрашиваешь? Писать здесь, в Азербайджане, на русском языке... Ой-ой-ой!.. Что же может быть хуже для писателя?..

И они закатывают глаза, покают языками, качают головами и делают прочие соответствующие моменты телодвижения. Так же они покали, за-

тывали и качали головой в разговоре со мной и десять лет назад, и двадцать, и тридцать... Ничего не изменилось в их примитивных мозгах. Но теперь, в настоящее время создается такое впечатление, будто они начисто забыли, что их книги здесь, на их родине с 10-миллионным населением выходят тиражом не более пятисот штук. Пятсот. Такой тираж. Для родных и близких. Для родственников и соседей.

Тем не менее, завидев меня, они горестно качают, закатывают, покают и прочее, и прочее.

ПИСАТЕЛИ

Они любят кучковаться. Огромное большинство их любит тереться друг об друга, они хотят быть в стае, не мыслят себя без нее. Индивидуалистов считают большими, порочными людьми, вроде гомосексуалистов. Они с огромным удовольствием участвуют во всех собраниях, конференциях, диспутах, любят потреться перед телекамерами. Нсважно по поводу чего. По поводу смерти своего собрата по перу, или юбилея, или дня рождения, или обрезания, по поводу дня работников сельского хозяйства, дня работников метрополитена, или дня могильщиков. Если в эту минуту крикнуть им в зал: "Вы - дураки!", они страшно заволнуются и станут требовать:

- Доказательства! Требуем доказательства!

А доказать трудно. Просто невозможно.

Они говорят, говорят, говорят, потом удовлетворенно усаживаются на свое место, расслабленные, как после оргазма. Словесного, разумеется. Так же они и пишут. Изводят тонны бумаги на свои книжки, пачкают, портят, переводят прекрасную бумагу, в которую можно было бы завернуть что-нибудь вкусное, например рыбу, пирожное или бутылку вина. Но они предпочитают заворачивать в нее свои убогие мыслишки. Подавляющее большинство их неудержимо рифмует стихочки. Потом читают друг другу, хвалят друг друга, стараются похвалить как можно более изощренно и заковыристо, словно говорят тосты, а в душе думают: нет, все-таки мой стихочек лучше. Потом они приходят домой, утомившись от огромного излишка слов, и ложатся на диван, устало прикрыв глаза, чтобы дети не заметили в них пустоту, в которой поселилось пустозвонство.

- Тихо, дети! - говорит им мать шепотом. - Отец устал... Он спит.

А дети... Они ведь всегда верно чувствуют правду... Отец без стаи - никто, он должен быть в стае... Вот сейчас выпитый и пойдет...